

Борис КУТЕНКОВ

НЕ ВЫХОДЫ, НО ТУПИКИ

Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе / Составитель и редактор И. Дуардович. – М: Эксмо, 2021. – 432 с.

Изначально моё отношение к рубрике «Лёгкая кавалерия» (которая появилась на страницах журнала «Новая юность», затем стала лицом сайта «Вопросов литературы») было довольно неопределённым. Странность задачи мешала встроить проект в какую-то концепцию. Множество реплик самых разных авторов с их «свободными» впечатлениями от происходящего в современной литературе – ну и что?.. Если переходить на язык журналистики – невнятен целевой адресат: при таком диапазоне охваченных проблем и мнений рассчитана ли рубрика на того, кто *уже* ориентируется в именах и тенденциях? (Положим, мне весь набор авторов «Кавалерии» и предыдущие их высказывания известны – так что примерно понятно, чего и от кого ждать. Но возникало опасение: не дезориентирует ли вся эта бесконечная разновекторная солянка того, кто только погружается в процесс?.. Ведь никаких внятных путеводителей никто ему давать не собирается: читай, мол, N по законам, им над собой поставленным, NN – по законам NN, а что удерживает их в рамках общего поля, весьма неочевидно. Такой – ну, более выверенный – аналог Фейсбука...). Колонки Абдуллаева, положим, вернее было бы не смешивать с противоположными им по стилю и задачам; так лучше и для репутации критика, и для отделения зёрен от плевел. То же – с Воденниковым, Скворцовым, Балла... Что касается «быстроты» и «оперативности» высказывания – здесь тоже не вполне очевидно: в книге есть и тексты более или менее «толстожурнального» формата. С другой стороны, не я ли последние годы цитировал слова Юрия Тынянова: «Бывают исследования, которые при правильном наблюдении фактов приводят к неправильным результатам, – и бывают такие, которые при неправильном наблюдении фактов приводят к правильным результатам»? Проще говоря – концепция, даже и бестолковая или отсутствующая, только малая часть дела; камень брошен, интереснее всего расходящиеся круги.

А круги расходятся. Проект стал резонансным. Высказывания «кавалеристов» – ныне обязательная часть литературных мемов, а рубрика – аналог той шуки, которая якобы нужна, чтобы карась не дремал (для кого-то и просто – образец непрофессионализма, часто по ошибке уравненного с личной обидой). Создатели проекта должны возблагодарить за этот резонанс главным образом К. Комарова и А. Жучкову – уверен, без них «Кавалерия» осталась бы одной из бесчисленных литературных рубрик. Но нужно понимать, что дело тут даже не в сути сказанного, а в форсированности тона, в истеричности жеста¹. Выход книги избранных сочинений «кавалеристов» в «Эксмо» – и,

¹ Эти форсированность и истеричность в случае первого проявляются на виртуальных страницах «Лёгкой кавалерии» и – в случае второй – в соцсетях. Тексты Жучковой в этой книге часто умны и интересны, в отличие от её сетевых выпадов. Иногда кажется, что за ними стоят два разных человека. Одно из её высказываний в книге характерно: «Критика пишется: Субъективно. Эмоционально. Оценочно-гиперболистично. С элементами публичного перформанса». Ничего дурного, разумеется, в этом бы не было. Если бы «публичный перформанс» у «кавалеристов» не напоминал так часто пляски на костях отживших полемик давности эдак тридцатилетней: скажем, в устаревшем споре о силлабо-тонике и верлибре, в котором давно расставлены все точки над *i* (ну ясно же, что в разговоре о поэзии ничто к этим формальностям не сводится). В своей заметке про изобретение велосипедов Д. Бавильский пишет как будто бы об этом: «...ведь в каждой новой дискуссии и повороте общественного мнения, будоражащего общественность в “Фейсбуке”, я вижу вопросы и проблемы, которые мы обсуждали с коллегами и в 1990-х, когда российская культурная журналистика начинала с буквального нуля, и в нулевых, когда оказалось, что

следовательно, обращённость всей этой солянки к широкому читателю – стал некоторой неожиданностью, так как вроде бы опровергает мои предыдущие суждения про «бэкграунд» адресата и дезориентацию новичка. Теперь, под одной обложкой, виднее, что получилось в совокупности, – и можно попытаться выявить какие-то тенденции. Если они, разумеется, есть (что не вполне очевидно – при столь разномастном и, видимо, вкусовом выборе критиков).

Что касается «бэкграунда» – всё оказалось так: неопиту лучше не брать в руки книгу (иначе вопросы «кто все эти люди?» и «почему подряд идёт столько разных высказываний на разные темы?» неизбежны). Надо сказать, что, объединившись под одной обложкой, статьи в сумме не утратили ощущения лёгкой хаотичности, но получили некоторую композиционную стройность под приправой тематики. Появились разделы, посвящённые отдельно – премиям, отдельно – критике, отдельно – поэзии... Какое-то подобие диалога возникает ближе к середине книги – где Р. Сенчин отвечает Д. Бавильскому, А. Жучкова – и Бавильскому, и Сенчину. Такой полилог выдержан в лучших традициях дискуссий 90-х и 2000-х, о которых сейчас приходится разве что читать в попадающихся на глаза старых номерах «Нового мира» (виват вечным «Библиографическим листкам»)². Внутрицеховой диалог с тех пор оказался утрачен – не говоря уже о внятной полемике противоположных лагерей. И допускаю, что подобные претензии можно адресовать и, например, проводимым мной опросам – где ответы нередко выглядят как цепочка монологов при видимой объединённости одной темой. На подобное сетует А. Скворцов в одной из «кавалерийских» колонок – правда, в контексте того, что разные критики называют в рамках одного опроса ни в чём не схожие имена. Я бы на месте редактора рубрики (если проект получит продолжение) усилил момент диалога, пересечений точек зрения; возможно, изначально стоило делать разделы заточенными именно на полемику критиков друг с другом и объединёнными одной темой.

Итого – некоторый монологизм не столько проблема книги, сколько проблема времени.

Но что же с объединяющей идеей?..

«Суть рубрики в том, чтобы налететь на условного “противника” и “помахать пашками в воздухе”, наметив тему для более детального рассмотрения в статьях», – пишет И. Дуардович (редактор рубрики, он же – составитель и редактор книги) в предисловии к самому первому выпуску «Кавалерии». «Налететь, наметив тему»... Так и хочется перефразировать известную поговорку: «после налёта темой не машут». Противоречие налицо. Косноязычие, увы, – тоже.

«Три года назад, когда я собрал первый отряд злобных критиков в рубрике “Легкая кавалерия”, из лучших текстов которой и составлена книга...» – он же, в предисловии к книге. Да нет, первоначально кажется, что не таких уж «злобных» (Комарова выпускают «на арену» только во втором разделе). Скорее унылых и скучающих по «широкому читателю», сетующих на состояние нынешней литературы... Вполне в духе «Вопросов литературы» последних лет. Один мой друг, с которым я обсуждал книгу, иронично заметил, что вместо «Как мы читаем» ей подошло бы название «Как мы ноём».

Уровень упадничества в книге, впрочем, порой зашкаливает. Интересно, что уже написав эти слова, я дошёл до посвящённой этой проблеме колонки редактора издания – всё того же Дуардовича («в литературе всё так плохо может быть только потому, что мы так думаем и говорим», пишет он и честно пытается разобраться и с ситуацией, и с собой). Однако общего настроения книги это не отменяет. «Проблема только с читателем, который мог бы быть, но которого почему-то нет. Современная русская литература

все, что кажется нам горячими новостями, движется по кругу». И если бы то самое «эмоционально» не превращалось то и дело в «истерично», а «субъективно» – во «взбалмошно».

² Андрей Немзер, Анна Кузнецова, Борис Кузьминский, Александр Агеев – не знаю, говорят ли что-то эти имена новым поколениям (из присутствующих в рецензируемой книге участников литдискуссий тех лет – только Бавильский. И Ольга Славникова с единичным текстом).

угодила в информационную яму. Не буду повторять набивший оскомину тезис о кризисе критики – ведь уже и простая литературная журналистика сходит на нет. “Живу тускло, как в презервативе”, – эти давние слова В.Б. Шкловского может сегодня повторить едва ли не каждый писатель...» (это говорит далеко не самый глупый из авторов рубрики – уважаемый мной профессор Вл. Новиков, но его слова оказываются характерными для настроенческой ноты издания). Для колумниста «Лёгкой кавалерии» литература – то, что: а) сводится к тенденциям – причём отрицательным – а не к именам и книгам; б) находится в ситуации застоя, уныния, «информационной ямы»; то, с чем всё не слава богу; в) то, по отношению к чему «отсутствие широкого читателя» равно отсутствию читателя как такового (налицо, кстати, вновь подмена понятий). «Сегодняшний день кажется мне в отношении литературы по-своему очень правильным и при этом, как все правильное, несколько скучным» (А. Варламов); «Для большинства книга превратилась из лучшего подарка, украшения интерьера и ежедневного утешителя в пылесборник и пережиток советского прошлого...» (Ш. Идиатуллин). Может быть, всё так и есть. Вот только – какую конструктивную задачу несёт подобная тональность разговора?.. Уверен: достойный выбор литератора даже в такой ситуации – писать о книгах, искать способы доносить до публики то, что кажется ему свежим, талантливым; всё это гораздо более ценно, чем вечное «жопа есть, а слова нету»³.

Тем более и на любое унылое обобщение найдётся противоположное. Вот, скажем, тот же Идиатуллин пишет: «Литературные страницы и рубрики истреблены как класс в большинстве традиционных СМИ и телеканалов». Интересно, а «Горький», книжные рубрики во множестве газет – от «Учительской» до «Литературной», от «Коммерсанта» до «Новой», – или передачи канала «Культура» – это «нетрадиционные» СМИ? Или опять исходим из ложного процентного соотношения – по отношению к массовому спросу, то есть к искусственной точке отсчёта, советскому прошлому?.. Далее Идиатуллин снижает отторгающий пафос: «Люди, которые заточены на то, чтобы изучать и отображать жизнь социума, не должны молчать. Они должны искать и подсказывать если не выходы, то хотя бы тупики». Но этих выходов в книге нет, а состояние литературы преподносится как бесконечный безвыходный тупик. Имён, названий – того, что способно было бы указать читателю маяки в этом предапокалипсисе, – до обидного мало. (Пожалуй, исключения – А. Пермяков, который не очень любит в этой книге рассуждать о тенденциях, предпочитая рекомендовать тексты; О. Балла; текст Е. Пестеревой о Н. Сучковой, – всё это выламывается из структуры издания, но, может, оно и к лучшему). Зато вдоволь такой, например, фальшивой риторики: «Мы должны протянуть руку помощи тем, кто рожден для радостей, даруемых серьёзным чтением, но лишен их, обманутый завистливой антилитературной сказкой»... Уф.

Я бы удивился, если бы общая ворчливая тональность книги не задевала попусту конкретные институции: «В газете можно было почерпнуть, что читать. Например, в той же “Литературной газете”» (А. Сальников о временах двадцатилетней давности). На месте «Литературной газеты» (которая выходит и сегодня и, кстати, стала куда интереснее после ухода Юрия Полякова), в принципе, могло бы быть упомянуто любое другое издание. Но дело не в ней, а в безответственности сказанного: ориентиров, «что читать», сейчас переизбыток. И газеты, и толстые журналы, причём и входящие в «Журнальный Зал», и находящиеся за его пределами... Я, например, регулярно читаю и «Литературку», и «НГ Ex Libris», и сайты, – качество, разумеется, везде разное, но вряд ли стоит жаловаться, что где-то упоминается мало свежесшедших книг. Уверен: только изучая каждый осколочек, можно получить представление о целостной мозаике. Почему личное незнание часто выдаётся за отсутствие предмета – вопрос, занимающий меня давно. Да и по поводу

³ Здесь цитирую «кавалерийскую» колонку Станислава Секретова – даже он в формате рубрики словно становится не собой и проявляет, видимо, давно рвущееся уныние. Притом что его усилия на литературной ниве – именно в жанре сдержанных рекомендательных рецензий – как раз заслуживают большого уважения.

отсутствия читателя – сомнительно: достаточно приехать в любой провинциальный город, чтобы увидеть нешуточный спрос, очереди за книгами и автографами, вопрошающие глаза... Для меня такими вдохновляющими свидетельствами были поездки на Урал в 2015 и 2019 гг. Возможно, москвоцентризм и жизнь в соцсетях сбивают настройки и создают иллюзию ложной уравниловки.

И странно было бы, если бы среди буйной эклектики не попадались здравые суждения: «Вы не обязаны спрашивать себя – кому нужна моя книга. А если с вас это спросят, правильный ответ будет такой: моя книга нужна мне» – так и хочется порекомендовать этот текст Ольги Славниковой о мотивах, отбивающих у писателя охоту создавать очередной роман («ваша книга никому не нужна», звучащее изо всех утюгов; объективная опасность превращения книги в «корабль-призрак»). Хотя книгу изначально рекомендовать не собирался – но вернёмся к словам Тынянова, приведённым мной в первом абзаце: бестолковая идея – и, как побочный эффект, интересные частные результаты...

В тех случаях, когда «кавалеристы» всё же говорят о книгах, обнаруживается тенденция к чистому – и, увы, вновь унылому – реализму. Всё, что в статье десятилетней давности было беспощадно маркировано Аллой Латыниной как «язык доклада партийного функционера 50–70-х годов»⁴, оживает: «А вот Александре Николаенко было не стыдно, а жизненно важно писать Бобрыкина изнутри себя, открываясь миру» (А. Жучкова; пропустим оборот «открываясь внутри себя», который внимательный редактор бы как минимум подчеркнул); «Беллетристика часто бывает интересна, но бесполезна, а хорошая документальная книга, созданная автором на основе своей жизни или же мастерски имитирующая это, почти всегда полезна. Правда, книг таких становится все меньше. Документальная проза чаще всего обращается в прошлое, в историю, автобиографию заменяют биографии. Представители нового реализма, лет пятнадцать назад пришедшие со своими человеческими документами и наделавшие немало шума в литературном мире, заставившие читателя, разуверившегося найти честное и близкое в современной прозе...» (Р. Сенчин) – дальше можно не читать.

(Впрочем, и у Сенчина в «Как мы читаем» есть статья, в которой я согласен буквально с каждым словом, – о приверженцах «альтернативной критики» а-ля Кузьменков, отвращающих людей от чтения. Единственное, здесь мне не хватило уточнения, что нередко эта разгромная критика добивается побочного эффекта: цитаты привлекают внимание к книге, комментарий же остаётся в стороне. Это, безусловно, не входит в задачу автора – и было бы интересно узнать, скольким книгам тот же Кузьменков сделал невольную рекламу вопреки собственным ожиданиям. Столкнулся и я с таким побочным «пиар-эффектом» несколько раз после публикации своих статей – и минимизировал количество отрицательных суждений: не потому, что боюсь «ответочки», а потому, что чувствую, как некоторые потенциальные герои моих текстов ждут этого пиара. Что понятно в условиях тотального невнимания друг к другу.)

«Реалистический» же подход к литературе аккумулируется в словах С. Баталова (уже в разделе, посвящённом поэзии): «Так вот, в каком-то смысле ни одно, даже самое великое стихотворение не может быть сильнее прямого и честного высказывания обычного человека. Под такие прямые высказывания эти стихи и мимикрируют». Дальше, что интересно, идёт вполне себе апология «стихов прямого высказывания». Интересно, понимает ли критик, насколько слово «мимикрирует» опровергает всю стройную

⁴ Латынина А. Манифестация воображаемого. Нова ли «новая критика?» // Знамя, № 3, 2010. «Пришли новые молодые авторы со своим мировоззрением, принципами, талантом. Большинство из них выбирает реализм... Реализм может быть только одним – честно отражающим окружающую действительность». Это – из сборника «Новая русская критика. Нулевые годы» (М.: Олимп, 2009), составленного Романом Сенчиным из наиболее заметных статей молодых критиков. «Такие рутинные фразы на советском новоязе уже несколько десятилетий стыдятся повторять “ортодоксальные критики”», – метко заметила тогда Латынина. Ничего, как видим, не меняется.

картину? А «прямое и честное высказывание» – хм, уж не апология же антиискусства, пропаганда всё того же пресловутого «реализма» в поэзии, копиизма по отношению к действительности?.. С. Баталов пишет: «Так что будем надеяться, что это всего лишь страница – яркая, может быть, самая яркая и значимая в современной поэзии, но, надеюсь, никак не последняя». Да нет, страница, вполне себе освоенная тем же соцреализмом – и не очень понятно, что же в ней «яркого и значимого», судя по описанию тенденций. Что-то проясняют имена, вовсе не похожие на соцреалистов: О. Васякина, Г. Рымбу, Е. Симонова. Но – в силе ли «прямого высказывания», в отражении ли «повседневности» ценность этих текстов?.. Или все баталовские определения – сплошь ярлыки: к кому хочешь, к тому и привешивай (хоть к «Вагине» Рымбу, хоть к любому «традиционалисту» – при всём их принципиальном различии), и ошибка в самой методологии критика?

Но это далеко не худшее, что здесь попадает. Есть и образцы откровенно «жёлтого» стиля: «Да, мне жутко не нравится кошачья обложка книги. Да, мне не нравится мимимишный настрой. Более того, мне не нравится сочетание имени автора и тематики произведения» – уровень аргументации бывает и таков. Хватает и лексик, откровенно недопустимой в литературном разговоре. «Испражнения», «доморощенных жлобыт и снобчиков», «гаденькая пустотность и тараканистая грязца умозрительной высоколобости», «выдаваемых за стихи рвотных излияний» – все эти выпады К. Комарова уже стали поводами для мемов и сделали «рекламу» проекту И. Дуардовича. А ведь в начале книги нам деликатно говорили: «Кто-то скажет, что грань мы порой переступаем. Не соглашусь, во всяком случае стараемся не переступать, поскольку о вкусах спорим, но исключаем любую претензию на монопольное владение истиной и территорией» (И. Шайтанов). Но что такое процитированные высказывания, как не «переступание грани» и не попытка «монопольного владения»? Создаётся странное ощущение, что Игорь Олегович Шайтанов – который напрямую не участвовал в издании, но, по словам из предисловия, «всё это время подсказывал и направлял нас», так или иначе задаёт тональность разговора о поэзии в этой книге – проецируя на него давно известную войну между «Вопросами литературы», с одной стороны, и «Воздухом» и «НЛЮ», с другой. Жаль, что эта война ведётся сейчас подобными методами – напоминающими больше подъездную брань.

Что хамство в книге становится осознанным *raison d'être*, ясно из фразы И. Дуардовича: «Но ясная ругань уж точно лучше мудреной похвалы. В конце концов, а понимает ли мудрец, за что он хвалит? Или это только сильное желание похвалить, берущее верх над всем остальным?». Сказано косноязычно и закрученно, но позиция, в принципе, понятна; хотя я бы не оперировал такими категориями, как «похвалить» и «поругать», – мне ближе презумпция понимания. Ценности отрицательной критики, разумеется, тоже никто не отменял: плохо лишь, когда она превращается в переход на личности: «Прожаренная, как курица гриль, девушка 26 лет» – да, колумнисты «Лёгкой кавалерии» позволяют себе и это. А то, что – по словам одной из «кавалеристок» – в 90-е «малоизвестный критик Сергей Соседов еще мог позволить себе сказать очень популярной Салтыковой, что у нее нет голоса, и даже назвать шваброй, что было грубо, но справедливо» – приводится как достоинство, – сильно понижает этический уровень книги. Апофеозом всего этого, пожалуй, можно считать очередной перл от составителя: «Это крутая фраза, так как в ней вся нетерпимость, все презрение, все непонимание».

Но и в «нетерпимости, презрении и непонимании» есть свои пределы. «С тех пор Кузьмин упорно душит силлабическую тонику вонючими верлибрами», «о том, что способно примирить Дмитрия Кузьмина с силлабо-тоникой»... Ясно одно: авторы рубрики не открывали журнал «Воздух» последние лет десять (процент тех, кто пишет силлабо-тоническим стихом, там совсем немал – имена перечислять не буду, их тьмы и

тмы, откройте, почитайте⁵). Кстати, и сама статья Константина Комарова под броским заголовком «Кто может примирить Дмитрия Кузьмина с силлабо-тоникой» построена на явном передёргивании: в ней говорится о номере «Воздуха», который открывает огромная подборка Кати Капович. No comments, как говорится...

Предвижу: после таких слов меня запишут в стан «актуальных поэтов» и увидят в моих словах апологию «околовоздуховского» сегмента. И – предвижу наклеивание ярлыков, мол, чьих будете, от имени какого круга говорите, – как будто разговор сегодня может быть лишь от имени «круга», а не от собственного имени. Нет, никакой апологии в моём суждении нет – так же, как и попытки очернить круг противоположный. Для меня вообще вторичны в современной поэзии тенденции, куда интереснее имена и тексты. И в «Воздухе», так же, как в Prosodia и любом другом журнале с отчётливо выраженной позицией, мне важны скорее исключения – об этом я писал в статье «На обочине двух мейнстримов» («Интерпоэзия», 2018, № 2). То, что не вписывается в мейнстрим издания, в его вкусовой вектор, а поражает неожиданностью – и именно несоответствием формату (что, с моей точки зрения, и есть главный критерий выдающегося дарования). Ближе всего к моей позиции в этой книге оказывается Артём Скворцов, который в слегка фельетонном ключе приводит точки зрения двух противоположных лагерей: форсированный отклик на «воймеговскую» книгу Геннадия Русакова со стороны «авангардиста» – и столь же форсированный на финалиста премии Драгомощенко, написанный «традиционалистом»... (Обе реплики, разумеется, выдуманы Скворцовым – но хорошо представимы в действительности). К концу этого текста хочется узнать, к какой же точке зрения склоняется сам Скворцов, – ожидаемо, что ему будет ближе «традиционализм» и Русаков, но позиция критика оказывается более мудрой и взвешенной: «Очень интересно было бы узнать об отношении к нынешним параллельным поэтическим мирам читателя, скажем, из 2119 года. А вдруг он равнодушно пройдет мимо и тех, и этих, предпочтя им, как само собой разумеющееся, поэта, которого не причислишь ни к “архаистам”, ни к “новаторам”, почти не замечаемого современниками, но пишущего то, что впоследствии эстетически будет представлять всю нашу эпоху?..». Таков, на мой взгляд, Дмитрий Гаричев – резко выламывающийся из «средневоздуховского» мейнстрима. Таков совсем молодой Владимир Кошелев – автор последнего на данный момент номера «Воздуха» (смотрящийся в нём белой вороной). Такова Ганна Шевченко, публикующаяся в «Prosodia» (а ранее – в «Арионе»): автор, вроде бы и соответствующий мейнстриму «арионовского» бытописания, но с отчётливым лица необщим выраженьем. И именно на таких авторов и хочется обращать внимание.

Не то – со стороны редактора книги. В искренней, но весьма путаной заметке И. Дуардович, как мне кажется, меняет местами причины и следствия, – начиная со своей усталости от поэзии и отношения к ней как к «рутине» и «быту» и продолжая разговором о недовольстве современным её состоянием: «Поэзия перестала рождать новые смыслы и миры; наконец, не возник новый язык – тем сколько угодно, а языка нет» – и прочая, и прочая характерная для «Кавалерии» риторика. Настораживает слово «рутинёрство»: да, безусловно, все мы «винтики журнального процесса», литературоцентризм для нас – всё, но само отношение к редакторской работе как к быту и к «заполнению ячейки» – тревожный симптом. И если ничто не вызывает удивления, радости перед новым автором,

⁵ Есть и такие откровенные передёргивания: «Проблема Кузьмина в том, что, по его собственным словам, как бы он ни фрондерствовал и анфан-террибльствовал, он все равно остается более известным в качестве внука Норы Галь» (В. Ширяев). Нет, разумеется, к Кузьмину – как и к любому другому литератору – можно относиться по-разному; и вопросов к нему – как к человеку, отстаивающему свой символический капитал, и порой крайне резко, – множество. Но если уж вести полемику – то не столь грязными «сетевыми» методами, больше напоминающими травлю в Фейсбуке. (Про это – в своём ответе К. Комарову на страницах «Как мы читаем» – по поводу потоков грязи, излитых на стихи В. Бородина, – исчерпывающе высказалась О. Балла. Та её реплика запомнилась многим – тем паче что единственная у этого мирного критика исполненная в подобной тональности.)

желания нести это знамя дальше, кричать «Новый Гоголь явился» – не признак ли это собственной усталости (не хочется говорить «профнепригодности»)? Боюсь когда-нибудь обнаружить эти симптомы в себе. И прогнозировать, насколько этот симптоматичный текст характерен в принципе для настроения книги (как корабль назовёшь...), – тоже не хочется⁶. Но печальные догадки есть. Любопытно, что почти ни одного (!) имени в поэзии на всю книгу не упомянуто в положительном ключе – походит на некий нонсенс; с прозой и нон-фикшн дела получше...

И последнее.

Возможно, это прозвучит неожиданно – на фоне всего сказанного выше – но мне очень нравится эта книга. Я изучил все 430 страниц буквально за один вечер – притом что читал все эти колонки и ранее, сразу после их выхода на сайте. Перечитывал споря, соглашаясь (чаще споря и не соглашаясь, а часто ловя себя на читательском диссонансе между удовольствием от бойкого стиля газетной передовицы – и пониманием, насколько вредна для разговора о литературе эта забористость. Переходящая, как ей свойственно, в подзаборность).

Как часто бывает с бестолковыми, невыверенными порождениями – книга получилась живой: именно в силу отсутствия внятной идеи. Потому и в моей рецензии идеи не будет. Со всем хамством и эмоциональными перегибами, со всей невыверенностью целевого адресата и невнятностью задач – «Как мы читаем» – тот срез современной литературы, без которого её уже невозможно представить. Литературы, к строительству которой чувствуешь себя причастным: творящейся здесь-и-сейчас, в сетевом пылу⁷.

Да и представить литературный Фейсбук таким, как эта книга, – отфильтрованным, хотя бы и так, – не худшая картина из возможных.

⁶ В дальнейшем – ещё более откровенное признание И. Дуардовича: «Так я понял, что слишком устал от поэзии, глаз замылился, привычные методы отбора перестали работать. Нет, хуже. Я понял, что мне давно все равно, и вот это “все равно” напугало больше всего – вот она, профнепригодность». Про то, стоит ли с таким настроением создавать раздел поэзии в книге, предназначенной широкой аудитории, – умолчу: не мне судить, в конце концов. Однако хочется верить, что именно редакторский «замылившийся» глаз, а не осознанная провокационность, допускает в «Как мы читаем» грязные методы сетевой полемики, все эти передёргивания. В конце концов, первое – излечимо и восстановимо; второе – уже похуже, ибо относится к области этики.

⁷ Интересно, какие обновления претерпит рубрика в связи с новым редактором – Анной Жучковой: ей «рутинёрство» точно чуждо, а энергии не занимать. Правда, как в том фильме, «эту энергию бы да в мирных целях».